

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-21

Серийное оформление — *Наташа Соло*
Иллюстрация на обложке — *Наташа Соло*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Чароит, Алан.

Ч-21 Кошеевич и война: [роман] / Алан Чароит. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 384 с. (Дивнозёрье)

ISBN 978-5-17-155692-1

Чтобы уберечь младшую сестру от участи стать невестой Кошея Бессмертного, ученица деревенской ведьмы вызывается сама пойти с ним под венец. Но кто теперь спасет саму Василису? Ведь, как говорят, в Дивнозёрье перевелись богатыри, способные на такой подвиг. Единственный выход — воспитать героя самой. Богатыря настоящего, не ведающего страха перед тайной Кошеевой смерти и настоящей ценой бессмертия. Только вот получится ли у нее?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155692-1

© А. Чароит, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Тайкины тайны

Тайкину бабушку за глаза называли ведьмой. А в лицо, конечно, Таисьей Семеновной. Здоровались, улыбались, приносили гостинцы, но, выходя за калитку, все равно трижды сплевывали через левое плечо. Ведь если ведьма беду отводить умеет, значит, и удачу может отвадить.

Тайка сперва обижалась и ябедничала. Мол, ты что, ба, не видишь, как люди плюются и фигу в кармане прячут? Не надо им помогать!

Но та гладила внучку по густым черным волосам (пф, будто маленькую, а ведь Тайке зимой уже шестнадцать стукнуло!) и качала головой:

— Если не мы, то кто? У нас в Дивнозёрье места заповедные, но опасные. Не ровен час, попадет кто в беду — ну не бросать же? А люди вовсе не злые, просто страшно им.

Тайка вздыхала, но не спорила. Она и сама знала: слишком уж близко сошлись в их деревне мир потусторонний и проявленный. В озерах по ночам плескались мавки-хохотушки; молодой, а потому еще шальной леший дурачился в лесу (особенно любил превращаться в выпь и пугать дачников); кикиморы воровали из сада спелые яблоки, расшалившиеся домовые по ночам пугали детей волосы, а у деда Федора каждую весну в подвале откапывался упырь.

К счастью, от любой напасти у бабки Таисьи находились оберег, колдовская водица и верное слово.

— Если я перестану помогать, представь, что будет с Дивнозёрьем?

И Тайка, содрогаясь, представляла: ничегошеньки не останется от заповедных мест. Уйдут люди, опустеют дома, сады зарастут крапивой, зеленая ряска затынет гладь озер, заболотится лес... Потому что жить бок о бок с нечистью — это вам не шутки. Тут правила знать надо!

Ближайший вяз с дуплом, ведущим в иные земли, находился недалеко от Тайкиного дома: прямо за гаражами, у оврага. Простые жители деревни хоть не могли видеть нечисть, но что-то да чуяли — обходили стороной это место и запрещали детям играть у гаражей. Но те все равно играли. Тайка сама там все детство провела с друзьями.

Со свечой и зеркалом они вызывали фею, чтобы та исполнила три желания (маленькая негодяйка ни разу не явилась, но в кустах постоянно кто-то хихикал); искали следы оборотня (и нашли!); ставили ловушку на коловершу (рыжее существо, похожее на помесь совы с кошкой, откупились от детей леденцами, а Тайке потом влетело от бабушки: мол, зачем напугали Пушка, у него и так от нервов перья из хвоста лезут); в сумерках с визгом прятались от бабая — страшного кривобокого старика с суковатой палкой... Иногда, впрочем, это был не бабай, а дед Федор — тот самый, что приглянулся упырю.

Родители беспокоились зря: нечисть, водившаяся в Дивнозёрье, была не опаснее машин, несущихся по трассе, или незнакомца, предлагающего конфетку. Будешь думать головой и ничего плохого с тобой не случится, — так считала Тайка. Взрослые же просто

забыли, как сами в детстве бегали к вязовому дуплу, мечтая хоть одним глазком заглянуть в чудесный край. А ход, между прочим, вел оттуда, а не туда. Так что никому из живущих в Дивнозёрье увидеть иные земли не удалось.

Кроме Тайкиной бабушки. Она мечтательно улыбалась всякий раз, вспоминая тот случай:

— В твоих годках я как раз была. Тогда-то и начали к нам заходить дивьи люди. Ох и переполох поднялся! Говорят, аж до самой столицы слух дошел. Приезжали и репортеры, и ученые какие-то, и даже эти... которые инопланетян ищут. Потом шумиха улеглась, а дивьи люди остались. Многие их видали, да немногие сумели запомнить встречу.

— А как же нечисть? И духи лесные да водные? Они тоже с той стороны вязового дупла пришли?

— Может, да, а может, и всегда тут были. Да и не важно это, Таюш. Главное, что живем мы все вместе, делим лес, поле, дома. Будешь к соседушкам уважительно относиться — и тебе оплатят добро за добро.

— А расскажи про дивьего мальчика, ба.

Тайка не раз слышала, как однажды на пустыре у оврага, где еще не было никаких гаражей, ее бабушка повстречала гостя с той стороны. (Вообще-то это, скорее, был дивий юноша, но Тайке было привычнее называть его мальчиком. Ну а что? Не девочкой же!)

Ей сложно было представить, как выглядела бабушка в молодости, поэтому Тайка часто воображала на ее месте себя: не зря же они тезки. И все говорили: похожи как две капли воды. Только у бабушки веснушек не было, а так — одно лицо.

Увидеть мальчика из дивьего народа Тайка тоже была бы не прочь! Как и послушать еще раз бабушкин рассказ...

Парнишка едва доставал ей до плеча. Смешной: курносый, веснушчатый, в красной вышитой рубаше и с острыми ушами, торчащими из-под шапки. По виду — Тайкин ровесник, но кто знает этих дивьих? Может, это только на вид ему лет шестнадцать, а на самом деле шесть сотен?

Сжав зубы, он обрывал лозы дикого винограда, обвившие одинокий вяз, и, кажется, чуть не плакал. Ладони были содраны в кровь.

— Ты что, потерялся? — Тайка подошла ближе.

— Нет, конечно! — Парнишка выпустил лозу, шмыгнул носом и потер совсем свежую шишку на лбу. — Я ищу вязовое дупло. Ты, случайно, не видела?

— Ну-у... — Она осторожно заглянула ему за спину, чтобы убедиться, что у парнишки нет хвоста (мало ли, вдруг бесенок?). Хвоста, к счастью, не было. — Оно там, дальше. На другом дереве. Но маленькое совсем. Кикимора, может, и пролезет, а ты — точно нет. Показать?

— Ох... — Парнишка уселся прямо на землю, скрестив ноги, и замотал головой. — Меня мать заругает...

— За что? — Тайка присела рядом на корточки.

— Да я ушел без спросу и никому не сказал. Поколдовал немного, ход открылся, я и впрыгнул. Как же это все не вовремя... Но кто же знал, что у вас тут нормального вязового дупла нет? Как вы вообще ходите?

— Э-э-э... Ногами.

— Скукота!

— А вот и нет, — надула губы Тайка. — Знаешь, сколько у нас всего интересного?! Можно пойти в лес за орехами. Или искупаться. Или развести костер и испечь картошку. А Федька нам на гитаре сыграет, если попросим. Про желтую подложку.

Глаза у дивьего гостя загорелись:

— Ух ты! Но мне ж никто не поверит... если только... А подаришь мне что-нибудь на память?

Тайка достала из кармана медный пятак, дыгнула на него и протерла рукавом.

— Вот, держи. Счастливый! Я с ним алгебру на пять написала.

— Что-что написала?

— Ну, алгебру. Это о-о-очень сложная наука.

— Зачем же ты тогда такую важную вещь мне отдаешь?

— Не беспокойся, у меня второй есть. Точно такой же. Кстати, я Таисья. — Она протянула руку. — Но ты можешь звать меня Тайка, если хочешь.

— Радосвет. — Он осторожно коснулся пальцами ее ладони.

— Странное у тебя имя! Никогда такого раньше не встречала. И уши забавные — острые! Ладно, идем... — Тайка схватила его руку и потащила за собой — прочь от пустыря.

Соседский Федька, конечно, увидел их в окно и увязался следом. Еще бы! На дивьих людей всем посмотреть охота.

Они провели вместе целый день у излучины Жуть-реки. Купались, загорали, лопали орехи и ягоды, кидали дворовому Шарику палку, жарили на палочках

хлеб и до самой темноты горланили песни. Радосвет сперва стеснялся, потом осмелел и принялся подпевать все громче. Голос у него оказался не сильный, но приятный, словно бархатный.

С ним было так легко и весело, что Тайке казалось, будто они всю жизнь знакомы. Их мнения не совпали лишь единожды, когда Тайка принялась нахваливать зиму в Дивнозёрье и зазывать Радосвета в гости на Новый год, а тот, вдруг побледнев, буркнул:

— Ненавижу зиму!

Ни о коньках, ни о снежках даже слушать не стал. Что ж, о вкусах не спорят...

Ближе к полуночи Федыка ушел, забрав гитару и Шарика, и они остались вдвоем.

Теперь Радосвет смотрел на Тайку с таким неприкрытым обожанием, что ее щеки волей-неволей краснели, и это было заметно даже при неярком лунном свете.

— Чего ты пялишься? — не выдержала она.

— Ой, прости, я залюбовался, — потупился Радосвет. — Больше не буду.

— Да ладно уж, любуйся на здоровье.

Не признаешься же, что на нее никто и никогда так не смотрел. Даже Федыка. Хотя уж их вся деревня дразнила: «Тили-тили-тесто!»

Чтобы сгладить неловкость, Тайка улыбнулась:

— А расскажи что-нибудь о себе. Где живешь? Чем занимаешься? Что любишь?

— Чем занимаюсь? Да так, ничем особенным... — Он отвечал нехотя, будто выдавливая слова. Так чаще всего говорят те, кому есть что скрывать. — А живу знамо где: во дворце.

— Ха, ты царь, что ли? — Тайка недоверчиво усмехнулась, и Радосвета это, похоже, задело.

— Нет, царевич я.

— Серьезно? Не врешь?

— А что, не похож? — Радосвет вздохнул. — Вот и отец так говорит. Мол, ростом не вышел. И лицо все веснушчатое, словно мухами засиженное. Вид, стало быть, не благородный.

— Да ты что! — всплеснула руками Тайка. — Очень симпатичные у тебя веснушки. Мне нравятся.

— Правда? — Он осторожно накрыл ее ладонь своей. — Знаешь, я еще там, под вязом хотел сказать... Ты очень красивая.

— Вот теперь точно привираешь.

— Дивьи люди не врут. А царский род — тем паче. Мы ведь побратимы белых волков. Верней, чем волки, никого на свете нет, ты знала? Они никогда не дают в обиду слабых. Если сражаются, то до конца. А если влюбляются, то раз и навсегда...

Это было почти признание. По крайней мере, Тайке хотелось так думать. Но спросить прямо она, конечно, не решилась. А вдруг показалось? Может, все это вообще сон, а на самом деле нет никакого царевича Радосвета, кудрявого и ясноглазого? Такие ведь только на страницах сказок встречаются. Тех, что с картинками.

Некоторое время они сидели молча и, задрав головы вверх, смотрели на звезды. И Тайке хотелось, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась. Сон так сон. Главное — подольше не просыпаться.

Она ничуть не удивилась, когда Радосвет привлек ее ближе. Сперва коснулся губами виска — там, где из косы вечно выбивалась тонкая прядка, — потом, осмелев, взял за подбородок и развернул лицом к себе.

— Мне кажется, я знал тебя всегда... — шепнул он прежде, чем коснуться губами ее губ.

Голова пошла кругом, и Тайка прикрыла глаза. Она знала, что никогда не забудет свой первый в жизни поцелуй и своего царевича. Ей вдруг представилось, будто кто-то взял нити их судеб и стянул в крепкий тугой узел — даже если захочешь, не разорвешь. Но ведь в сказке все именно так и должно быть, правда?

— Эй, а пятак твой и впрямь счастливый. — Тихий шепот разбудил задремавшую Тайку уже на рассвете. — Я нашел вязовое дупло тут неподалеку!

— Значит, уходишь?

Ее голос дрогнул от обиды. Вот и все, кончилась сказка.

— А хочешь, пойдём со мной? — Глаза Радосвета вспыхнули изумрудным огнем в предрассветных сумерках. И впрямь будто волчьи.

— Вот просто возьмем и пойдём?

— Ага! Станешь моей невестой?

Сердце забилося так часто, что Тайке пришлось приложить руку к груди.

— Л-ладно... То есть, да! Я согласна. А как я потом попаду обратно домой?

Порыв ветра сбросил к ее ногам пару сосновых шишек. Где-то вдалеке прокричала выпь (или опять леший?). А Радосвет пожал плечами:

— Как-нибудь. Или никак. Я пока и сам не знаю, смогу ли вернуться из вашего чудесного края. Но главное — надеяться и верить. Тогда все получится.

— погоди! — Тайка вытаращилась на него. — Что значит «нашего»? Это ты живешь в чудесном краю, а наша деревня самая обычная.

Дивий царевич рассмеялся:

— У нас говорят наоборот. Думаешь, зачем наши так к вам и лезут? За чудесами! Другие звезды над головой. Незнакомые песни. Картошка, опять же. И эти... странные рогатые животные, которые дают молоко.

— Ты любишь молоко?

— Очень. — Он крепко сжал в ладони медный пятак и поклонился. — Благодарю тебя, Таисья, за то, что показала мне настоящее волшебство.

Сперва Тайка думала, что Радосвет шутит, но взгляд нечеловеческих глаз был серьезным.

И она решилась:

— Была не была, я иду с тобой. Показывай, где тут дупло?

А что такого? Ей тоже хотелось настоящего волшебства. И счастья с тем, к кому тянулось ее сердце.

Жаль только, что этим мечтам не суждено было сбыться...

Дупло оказалось узким. Радосвет с трудом протиснулся и пропал в темноте. А когда Тайка сунулась следом...

Это только говорят, мол, голова пройдет — и все остальное тоже пролезет. Твердая кора до крови царапала плечи, но дальше не пускала. Перед глазами колыхался густой туман.

— Ничего не получается! — крикнула Тайка в пустоту.

Ей показалось, что кто-то ответил, но голос был таким далеким, что слов не разберешь.

Зато мгла немного рассеялась.

Сквозь распахнутые настежь резные ворота Тайка разглядела дорогу, вымощенную перламутровыми камешками, и белоснежные стволы деревьев с хрустальными листьями, в которых отражались лучи солн-

ца. На ветвях среди золотых яблок пели незнакомые птицы, листва мелодично звенела от легкого ветерка, в воздухе сладко пахло сказочными цветами. Вдалеке на холме виднелся белокаменный дворец с зеркальной черепицей, на башенках развевались алые флаги...

Порыв ветра ударил в грудь. Миг — и все померкло.

Очнулась Тайка на земле под вязом, сжимая в руке душистое золотое яблоко. Красивое: ни бочка, ни червоточины.

За прошедшие годы оно не сгнило, не высохло и до сих пор хранилось у Таисьи Семеновны в серванте. Твердое: зубы обломаешь. Зато пахнет совсем как настоящее.

— И вы никогда больше не виделись?

— Виделись, внученька. Во снах.

— Ну-у, это не считается... — разочарованно протянула Тайка-младшая, качаясь на табурете.

А бабушка рассмеялась звонко-звонко, совсем как молодая:

— Еще как считается! Это ведь он научил меня всему, за что ведьмой прозвали. Как защититься от злых чар, как уважить добрую нечисть и отвадить злую, какие травы от хвори помогают, как зазвать в гости дождь... А я рассказывала ему про наши обычаи. Поэтому в Дивнозёрье люди с дивным народом могут бок о бок жить. Мы их уважаем, а они — нас.

— Вот это да! — Тайка придвинулась ближе вместе с табуретом, глаза ее сияли. — А почему он сам больше не приходит?

— Нельзя ему... — вздохнула бабушка. — Он теперь царь дивьего народа, привязан к своей земле крепко-накрепко. Такова уж его доля...

— А меня научишь колдовству?

Тайка никогда не просила об этом и теперь затаила дыхание, ожидая ответа. Ей с детства хотелось быть ведьмой, как бабушка. Конечно, она не раз помогала собирать и толочь травы, ходила разбрасывать соль у околицы, оставляла дары духам лесным и водным, каждый год зазывала песнями весенние ветра, а однажды даже помогла домовому Никифору, застрявшему в погребке между двумя кадучками. Но это было все не то...

— Какому колдовству? Ты все уже знаешь. А чего не знаешь, то сердце подскажет: в тебе ведь тоже есть дивья кровь. Мама твоя — наша с Радосветом дочь. А ты, стало быть, царская внучка. — Бабушка шаркающими шагами подошла к серванту и достала золотое яблоко. — Мне пора... Это они сюда запросто ходить могут, а чтобы мы к ним — раз в полвека дверца открывается. Если не сегодня, то никогда.

В другой день Тайка восхитилась бы: дивья кровь, ну надо же! Но сейчас было не до того. Она вскочила, уронив табурет, бросилась к бабушке, обняла ее крепко-крепко.

— Ты что удумала, ба? Не пущу! Мамке с папкой до меня дела нет, теперь еще и ты бросаешь?!

— Дед Федор за тобой присмотрит. И Пушок.

Невесть откуда взявшийся коловерша спланировал Тайке на плечо, крепко вцепился в ткань платья совиными лапами и курлыкнул.

— А как же Дивнозёрье? Тут без тебя такое начнется!

— Оно твое. — Бабушка с хрустом надкусила золотое яблоко. — Теперь ты ведьма, как и хотела. Храни и защищай.

Тайка сглотнула и заревела в голос, размазывая по лицу слезы. Казалось бы, радоваться надо: сбылась заветная мечта. Но на душе было горько.

А коловерша, урча, щекотал усами ее щеку и от этого клонило в сон...

Наутро Тайка проснулась от топота и вздохов домового. Похоже, тот намекал, что в мисочке закончилось молоко.

— Ба! Никифор кушать хочет!

Никто не отзывался.

Тайка спустила ноги на пол и поежилась от утреннего холода. И тут ее взгляд упал на старый медный пятак, лежащий на прикроватной тумбочке...

Монета оказалась неожиданно теплой. И с дырочкой — будто бы ее носили на шнурке.

— Ба?! — позвала она уже настойчивее.

Опять тишина. Может, в курятник пошла?

Бабушки не оказалось нигде. Хуже всего, что свои же, деревенские, вообще о ней не помнили. Слово и не было никакой Таисии Семеновны...

Когда пришел дед Федор, Тайка третий час мыла уже чистую посуду и ревела.

— Ты эта... расспросы-то прекращай. — Старик отставил в сторону свою палочку и шагнул в сени. — Только нам с тобой о Таисье помнить дозволено. Видать, такова была ее воля. Я и пацана этого остроухого помню. Как картошку вместе лопали да под гитару пели...

Тайка шмыгнула носом:

— Деда, но мне шестнадцать всего... А я теперь вроде как за все тут в ответе. Что будем делать, если мамка меня в город заберет?

— Не бойсь, не заберет. — Старик потрепал ее по макушке. — Дивнозёрье тебя не отпустит, так и знай.

Он, кряхтя, опустился на завалинку и достал трубку.

— Давеча приходила ко мне бабка-то твоя. Попрощаться. Счастливая, глаза горят... Еще вчера под семьдесят ей было, а тут гляжу — снова девица. Будто молодильное яблочко слопала: похорошела, расцвела. Всю жизнь ведь прождала своего дивьего кавалера. И, вишь, дождалась. А мы дураки были. Смеялись над ней. Дразнили дивьей невестой. Ведьмой-то ее уже после прозвали...

— Теперь и меня будут дразнить... — Тайка поежилась. — Ну и пусть! Переживу. Не впервой.

— А не проклянешь обидчиков? — Дед Федор усмехнулся в усы, выдыхая дым.

Тайка замотала головой:

— Не-а. Люди же не со зла. Просто страшно им... Деда, а у тебя веревочки тоненькой не найдется?

— У меня в хозяйстве все найдется. — Старик покопался в кармане и достал кожаный шнурок. — Держи вот.

Прищурившись, он одобрительно крякнул, когда Тайка повесила на шею пятак — бабкино наследство.

— Вижу, в хороших руках Семеновна Дивнозёрье оставила. — Не выпуская из зубов трубки, старик потянулся за палкой. — Ну, бывай. Ежели чего, зови, подсоблю, чем сумею. И эта... про упыря не забудь. Ух и достал, гад!

Тайка проводила деда до калитки. Тот, выйдя, огляделся и, думая, что его никто не видит, трижды сплюнул через левое плечо.

Впору было снова разреветься от обиды (вот уж от кого не ожидала!), но тут из-под крыльца вылез домовый Никифор в праздничной косоворотке. Он отряхнул колени, поправил картуз, подбоченился и густым басом пророкотал:

— Не кручинься, хозяйюшка. Идем-ка лучше к столу. Я тебя с нашими познакомлю. Нынче все пришли, все.